

крытий. Одновременно, за счет дезагрегирующего эффекта ПАВ АС (при содержании 5-10%) пористость покрытий уменьшилась в 2 раза, а плотность и твердость увеличились соответственно на 30-35% и 45-50%.

В целом достигнутые технологические показатели для всех модифицированных композиций подтвердили дезагрегирующий и ингибирующий эффект модификатора АС. Дополнительно отметим, что производство последнего осуществляется в одностадийном режиме в нормальных по температуре и давлению режимах с использованием крупнотоннажных отходов нефтехимического производства [4, 5].

Разработанные модифицированные композиции рекомендованы для антикоррозионной и гидроизоляционной защиты крупногабаритных объектов из стали и бетона, эксплуатируемых непосредственно в грунте и в средах с повышенной влажностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиневич А.М., Козловская А.А. Антикоррозионные покрытия. М.: Стройиздат, 1989. 109 с.
2. Богданова Т.И., Шехтер Ю.Н. Ингибированные нефтяные составы для защиты от коррозии. М: Химия, 1984. 248 с.
3. Болатбаев К.Н., Дюрягина А.Н., Островной К.А. Модифицирование композитов поверхностно-активными веществами. Петропавловск, 2005. 184 с.

4. Болатбаев К.Н., Дюрягина А.Н., Нурушов А.К., Коротина О.Г. Способ получения ингибитора кислотной коррозии металлов. Патент РК №14466, 2004.

5. Болатбаев К.Н., Дюрягина А.Н., Нурушов А.К., Коротина О.Г. Способ получения ингибитора кислотной коррозии металлов (варианты). Патент РК №14467, 2004.

6. Болатбаев К.Н., А.А., Дюрягина А.Н., Луговицкая Т.Н. Компьютерно-микрооптический комплекс для качественно-количественной оценки качества поверхности изделий. Свидетельство № 0806РК0079, 2006 г.

7. Агишев С.Г., Мутанов Г.М., Дюрягина А.Г., Болатбаев К.Н. Антикоррозионная композиция. Патент РК №9906, 2000.

Резюме

Азотқұрамды және алкилфенолды (полимерлік) беттік белсенді заттардың қосымшаларымен түрленген битум құрамды материалдардың бірқатарының технологиялық зерттеулерінің нәтижелері келтірілген. Жасалған пайдалынылу сипаттамалары жоғары түрленген композициялар болат пен бетоннан жасалған ірі габаритті нысандарды антикоррозиялық және гидроқшаулағыштық қорғау үшін қолдануға ұсынылады.

Summary

Here are presented the results of technological testing of some material with bitumen components and polymere surface active substances, worked our modified compositions with high exploitation qualities and recommended for anticorrosive and hydroisolating defence of huge objects made of steel and concrete.

УДК 661.1:541.18

Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева Поступила 2.03.07г.

Д. Т. МЕДЕУОВА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ

В числе основных закономерностей функционирования властных структур в качестве одной из ведущих признается легитимность власти. Понимание ее проявления позволяет успешно применить методологию познания и других закономерностей проявления власти. Поэтому проанализируем основные стороны легитимности власти. Легитимность власти - это степень согласия между управляющими и управляемыми социальными субъектами, т. е. согласие граждан, чтобы ими управляли именно те и именно так, как нормативно определено. Власть легитимна, если управляемые признают за управляющими

право управлять вообще, и именно так, как они это делают? в частности. Это признание осознается как управляемыми, так и управляющими. Первым кажутся если не справедливыми и желательными, то, по крайней мере, естественными и сама власть и связанные с ней институты и ритуалы. Вторые, ждут от управляемых подчинения, а так же одобрения их действий по подавлению и осуждению диссидентов не желающих подчиняться и оказывающих вербальное или действенное сопротивление.

Легитимность - необходимое условие стабильности и эффективности власти. Легко видеть, что

это в первую очередь психологическое понятие. Никакие ссылки на документы, целесообразность или традиции не сделают власть легитимной до тех пор, пока эти аргументы не станут убедительными для большинства или, хотя бы, значительного числа управляемых. Таким образом, легитимность власти - это факт сознания людей.

Индивид или институт обладают легитимной властью в том случае, если те, к кому они обращаются с определенным распоряжением, признают их право отдавать приказы. Если же носитель власти теряет легитимность, то рано или поздно он теряет и саму власть. Современная политическая история дает тому немало примеров - это происходило с режимами Чаушеску, президента Филиппин Маркоса, последнего шаха Ирана и многими другими. Их падению предшествовала потеря согласия граждан подчиняться существующей власти. Система рушилась под ударами восстаний и массовых протестов, хотя к моменту гибели в ее распоряжении еще были вполне эффективные средства подавления и идеологического воздействия. Характерно, что сначала легитимность теряется для управляемых - они перестают признавать право носителей власти на управление.

Сами же властные фигуры еще не осознают того, что ситуация изменилась, продолжают ожидать подчинения и готовности к подчинению. При этом они опираются на традиции собственной легитимности, подкрепленной соответствующими институтами и ритуалами - помазанием на царство, выборами и т. д. Кроме того, существующие системы обратных связей ориентируются, в основном, на регистрацию объективных показателей, таких, например, как уровень преступности, размах забастовочного движения, активность антиправительственных групп. Значительно меньше поддается фиксации динамика массового сознания - усталость граждан от или иных лидеров, разочарование в прежних лидерах, энтузиазм по поводу новых пророков или идей. И, наконец, осознание потери легитимности болезненно для носителей власти, и они стараются интерпретировать неизбежно амбивалентные результаты анализа положения дел в стране в более благоприятном для себя ключе.

Аналогичные процессы происходят и на микроуровне, например, в семье. Так, ребенок в какой-то момент перестает признавать легитим-

ность власти родителей, он уже не считает, что они имеют право распоряжаться в том же объеме, что и раньше. Он, допустим, еще признает их право запрещать ему поздно возвращаться домой, но уже отказывается выполнять их предписания относительно того, как ему следует одеваться. Родители, однако, еще не осознают этого изменения отношений, что неизбежно приводит к конфликтам. Постепенно зона легитимности власти родителей сужается, затем сокращается, и сама власть и отношения между родителями и ребенком трансформируются и переходят на новый уровень. Важным эмпирическим показателем степени легитимности власти является представленность в повседневной жизни средств принуждения. Например, если говорить о легитимности политической власти, то большое число хорошо вооруженных полицейских заставляет предположить, что граждане не считают свою власть легитимной, т. е. не готовы подчиняться ей добровольно. Или, другая возможность, сами носители власти осознают собственную нелегитимность, и поэтому ожидают сопротивления. Если же средства и институты принуждения не присутствуют ни на улицах, ни, что более важно, в сознании граждан, это свидетельствует о высоком уровне легитимности. Полярными в этом смысле примерами могут служить современный Ирак, где вооруженные солдаты на улицах или бронетранспортеры на перекрестках стали привычным явлением, и Великобритания, где полицейские вообще не вооружены, рассчитывая не на силу, а на традиционное уважение к полиции.

Дилемма эффективности и легитимности имеет психологическое основание. Представляется, что эффективность может быть в определенной степени сопоставлена с инструментальными ценностями, а подлинная легитимность - с терминальными. Можно предположить, что при удовлетворении базовых потребностей за счет успешного экономического роста актуализируются более высокие устремления личности (в т. ч. стремление к осознанию себя как субъекта общественного развития). Эффективность не следует сводить только к экономике. Выше мы отмечали, что основа власти - взаимодействие мотивов. Помимо материальных, не менее (а часто и более) важным является удовлетворение таких потребностей граждан, как безопасность, эмоциональная поддержка, уважение и т. п.

Среди современных подходов к легитимности наиболее известна концепция Д. Истона. Он предложил выделять три типа правомочности: идеологический, структурный, личностный (персональный). Идеологическая легитимность вытекает из того, что гражданин разделяет ценности, которые выражает власть. Подчинение власти по существу оказывается реализацией собственных убеждений. Это может быть преданность “самой свободной стране”, как США, самому передовому государству, как СССР, самому исламскому государству Ирану.

Структурная легитимность сходна с легальной и отчасти традиционной в варианте Вебера и связана с одобрением принципов, норм, механизмов функционирования власти безотносительно к проводимой ею политике. Персональная легитимность основывается на доверии к политическим лидерам, олицетворяющим власть, высокой оценке их личностных и политических качеств (т. е. фактически на авторитете). Еще Конфуций заметил, что “если в народе будет недостаток веры в правителя и его близких, то государство не может быть устойчивым”. Данный тип легитимности близ к харизматическому, но шире него, поскольку подразумевает позитивное отношение не только к “сверх способностям”, но и к “нормальным”.

Политическая власть включает в себя различные структуры и уровни, по отношению к которым граждане могут иметь несовпадающие установки. Следовательно, правомерно предположить, что легитимность включает в себя несколько подтипов. Так, можно говорить соответственно о легитимности политического Деятеля, органа власти, ветви власти, формы государственного устройства, принципов и норм и легитимности как целостном показателе отношения общества и государства. С учетом сложности феномена легитимности, вполне понятно, что власть вряд ли может быть легитимной на 100%. Вместе с тем различие объектов легитимации имеет позитивное значение: гражданин может быть недоволен конкретным политиком или действиями орган власти, но не подвергает сомнению правомочность политической системы в целом. Кроме того, следует учитывать, что рассмотренные виды легитимности - это своеобразные “идеальные типы” и в политической реальности конкретного общества все они в той или иной мере присутствуют.

Легитимность есть не столько состояние, сколько процесс и его мобильный результат. Он включает наряду с укрепляющими власть факторами также и те которые ослабляют легитимность. Ведущим фактором делегитимизации будет несоответствие тому принципу, на котором она базируется. Для традиционной власти смертельно опасны любые перемены, а сила и непоколебимость традиции превращается в мину замедленного действия. Любые действия власти, не соответствующие заданным рамкам, подрывают ее основы.

Вспомним, что народ не удивлялся жестокости Ивана Грозного, но объявлял антихристом Петра I. Более близким примером может стать М.С. Горбачев. После трагедии с атомной подводной лодкой “Курск” легитимность президента В. Путина не только была снижена, но многими и поставлена под сомнение.

Проблема харизматической власти заключается в необходимости постоянно подтверждать харизму через демонстрацию чего-то “сверхъестественного” или, как минимум, эффективность. В противном случае в массовом сознании возникают сомнения по поводу подлинности качеств представителей власти (“тому ли подчиняемся”) и системы в целом. Вспомним крик: “царь-то не настоящий!”, с которой начались злоключения героев фильма “Иван Васильевич меняет профессию”. Другой болевой точкой харизматической легитимности становится проблема преемственности власти. Если лидер - сверхчеловек (причем имплицитно подразумевается, что единственный), то могут его соратники претендовать на власть? Такая проблема достаточно остро стояла после смерти Сталина. Путем решения проблемы может стать “рутинизация” харизмы: переход к традиционной легитимизации через ссылку на преемственность власти; придание оттенка харизматичности посту (например, генерального секретаря), политической организации.

По мнению М. Вебера, рациональная легитимность является более слабой, поскольку любое правовое установление можно в принципе оспорить перед “судом разума”. Порядок, устойчивость которого основана только на целерациональных мотивах, в целом значительно лабильнее, чем тот порядок, организация которого основана только на обычае, привычке к определенному поведению

Аналогичную мысль высказал русский правовед И. А. Покровский, увидевший еще в 1919 г. слабые места демократической политической системы. Он отметил, что благодаря значительной степени иррациональности, а также освещенности традицией монархической власти “повируются легче и проще”. В то же время, основой демократии является прежде всего “гражданское сознание необходимости порядка и власти вообще”. Но рациональные мотивы “далеко не всегда оказываются равным и по силе прежним”, вследствие чего условиях демократии возможно ослабление “психологического влияния власти и психологической силы закона”.

Таким образом, в определенной психологической недостаточности “только легальной власти” коренится необходимость ее “делегитимизации” со стороны Других типов. Так, для прочности демократии необходимо не только ввести в действие самое совершенное законодательство, но и то, чтобы они подкреплялись многовековой традицией и стали своеобразными ценностями большинства. Существенную роль играет и отождествление принципов демократии с авторитетными личностями, близкими по масштабу к харизматикам.

Среди других факторов, снижающих легитимность власти, можно отметить:

1) ценностный диссонанс (для традиционной и Идеологической легитимности):

– различие декларируемых и реально воплощаемых властью ценностей;

– различие ценностных ориентации (в том числе менталитета) основной массы граждан и власти;

2) снижение легитимности правящей элиты (для персональной легитимности):

– нарушение моральных норм представителями власти (по мнению Т. Гоббса, “репутация власти есть сама власть”);

– кризис правящей группы (как заметил Аристотель, “распри среди знатных приходится расхлебывать всему государству”);

– перенос недовольства лицом на представляемый им властный институт (примером может служить влияние скандалов вокруг личной жизни представителей британской королевской семьи на восприятие монархии гражданами Великобритании).

3) отчуждение граждан от власти, отсутствие возможности выразить свои интересы;

4) неэффективность власти, невыполнение ею своих обязанностей;

5) активизация противостояния и противодействия открытой и латентной оппозиции.

Степень легитимности определяется отношением граждан к власти. Но это не означает, что последней остается только пассивно созерцать, как растет или падает ее авторитет. Безусловно, в политическом процессе властные структуры стремятся сделать все, чтобы их господство было признанным большинством населения. Такую “технологическую” точку зрения выразил С. М. Липсет. По его мнению, легитимность – “способность системы создать и поддержать у людей убеждение в том, что существующие политические институты являются наилучшими из возможных для общества”

Из данного тезиса вытекает одна из основных технологий самолегитимизации – создание с помощью пропаганды представления о соответствии реальности и ожиданий людей. В условиях монополизации информационных потоков гражданам приходилось воспринимать их содержание, а нередко признавать предлагаемые ценности, цели, оценки. Кроме пропагандистского воздействия важное значение имеет политическое воспитание в обществе, социально-психологическое воздействие.

Если обратиться к истории, то можно заметить, что еще одним средством повышения легитимности становится привлечение граждан к участию в политическом процессе, например, через голосование или “наказы” депутатам. Вполне понятно, что если существует мнение о том, что решение власти является в определенной степени и “моим”, то создается образ власти как учитывающей интересы людей, а выполнение такого решения будет опираться на иную мотивацию, чем в случае прямого навязывания воли властвующего. При этом речь может идти не столько о реальном объеме предоставляемой власти, сколько о создании у различных социальных групп субъективного представления о своей политической значимости.

Фактором, в значительной степени влияющим на политические отношения, являются особенности восприятия власти массовым сознанием. При этом надо учитывать различные “измерения” такого отношения:

– восприятие конкретных лиц и органов власти, их действий;

– глубинное восприятие власти как социального института.

Оценка власти может осуществляться по различным ее параметрам. Основными измерениями являются:

1) сила - слабость;

2) симпатия - антипатия. Соответственно, в современных условиях власть воспринимается как:

1) слабая, неспособная государства обеспечить повседневную безопасность;

2) размытая, неопределенная (непоследовательная нерешительная);

3) отчужденная (безразличная к положению людей не проявляющая элементарного уважения и заботы рассматривающая людей как “винтиков”);

4) корыстолюбивая, эгоистичная

Представляется, что хотя исследование проводилось в середине 90-х годов, такие особенности восприятия власти гражданами сохраняются и сегодня, продолжая влиять на их политическое поведение. Анализ ряда исследований позволяет сделать вывод о том, что для нашего менталитета характерно противоречивое отношение к власти - сочетание апелляции к ней по самым различным поводам с определенным недоверием. По мнению указанных авторов, власть и стремление к ней не являются в русском менталитете абсолютной ценностью. Так, на уровне коллективного бессознательного власть наделяется такими характеристиками, как:

– глобальность (вездесущность);

– таинственность, связь с “темной” силой, колдовством;

– безликость, размытость.

Для понимания функционирования властных отношений также важно учитывать и то, что люди отличаются по своей ориентации на подчинение власти.

Психологический анализ предпосылок нацизма, осуществленный Э. Фроммом, В. Райхом, Т.

Адорно, позволил выделить особый тип личности, который характеризуется рядом особенностей. В аспекте рассматриваемой проблемы важным представляется то, что для человека с авторитарным характером характерно двойственное отношение к власти. С одной стороны он:

– “восхищается властью и хочет подчиняться”;

– не критичен по отношению к официальной власти, часто смешивая “государство и “правительство”;

– весьма “трепетно” относится к социальной иерархии, выступает за ее поддержание;

– нуждается в сильном лидере (которого идеализирует).

Кроме того, с точки зрения Э. Фромма, подчинение власти для “обладателя” авторитарного характера может субъективно означать причастность к некоей высшей силе и становится средством преодоления невротических переживаний, своеобразной психологической защитой. На этом основано “бегство от свободы”, получившее наиболее полное освещение в работах Э. Фромма. Вполне понятно, что такие установки становятся весьма удобной почвой для установления авторитарной политической системы и ее стабильности. Но с другой стороны, авторитарная личность стремится господствовать над более слабым, по отношению, к которому направляется агрессия. Особенность авторитарного характера в том, что “человек восхищается властью, хочет ей подчиняться, но в то же время он хочет сам быть властью, чтобы другие подчинялись ему”.

Э. Фроммом замечен парадокс: если существующая власть не отвечает представлению о “сильной власти”, то вполне возможна ненависть и презрение к ней. Представляется, что подобное имеет место и в Казахстане, когда правящая элита демонстрирует неспособность решать актуальные для народа проблемы или выполнять правящие функции в экстремальных ситуациях.

КазНПУ им. Абая

Поступила 2.03.07г.